

**КРИТИКА. РЕЦЕНЗИИ.
БИБЛИОГРАФИЯ**

DOI 10.25688/2076-913X.2020.38.2.16

**Рецензия на книгу:
Cécile Alduy. Ce qu'ils disent vraiment.
Les politiques pris au mots
(Paris: Editions du Seuil, 2017. 392 p.) =
Сесиль Алдюи. То, что они говорят
на самом деле. Политики, которых
поймали на слове (Париж: Изд-во «Сёй»,
2017. 392 с. [на фр. яз.]**

Сесиль Алдюи, профессор французской литературы в Стэнфорде и специалист по анализу политического контента, получила широкую известность во Франции и за ее пределами после публикации в 2015 г. в соавторстве с политологом Стефаном Ванишем в издательстве «Сёй» (Editions du Seuil) книги о лидере Национального фронта Франции Марин Ле Пен, в которой она пытается расшифровать семантические особенности нового «фронтистского» дискурса [5]. Эта книга имела большой успех у читателей и быстро была распродана. В январе 2017 г. в том же издательстве появилась следующая книга Сесиль Алдюи, в центре которой находится семантика современного французского политического дискурса в более широком масштабе [3].

Эта книга появилась в разгар избирательной кампании во Франции и вызвала большой интерес читателей, которые пытались в это время определиться в своем выборе будущего президента. Проявили интерес к книге и средства массовой информации: Сесиль Алдюи пишет статьи по этой теме для некоторых периодических изданий [4, с. 42–45], дает интервью корреспондентам периодических изданий [6, с. 28–29], активно участвует в передачах на французском телевидении, посвященных президентским выборам.

В рецензируемой книге Сесиль Алдью изложила результаты лингвистического анализа современного политического дискурса во Франции, в основе которого лежат речи видных государственных деятелей: президентов, кандидатов на пост президента, министров, лидеров партий. Корпус политических текстов был исследован с применением современных компьютерных программ, таких как *ad hoc*, *Hyperbase* и *Voyant-tools*, характеристика которых приводится в конце книги в приложениях 1 и 2 [3, с. 367–368]. Результаты статистического исследования вокабуляра французских политиков отражены в сводных таблицах, в которых указываются частоты наиболее употребляемых лексических единиц [3, с. 369–371]. Использование квантитативных методов в сочетании с автоматическим анализом содержания политических текстов свидетельствуют о новом подходе к объекту исследования в методологическом плане и новизне полученных результатов.

Книга состоит из трех частей, в которых последовательно рассматриваются вопросы, связанные со стратегией политических деятелей Франции. В вводной части книги автор дает общее описание ситуации, сложившейся во Франции накануне президентских выборов 2017 г., рассуждает о важности политического языка как лингвистического инструмента, с помощью которого формируется идеология французского общества.

В первой части книги, которая называется «Анатомия политического дискурса: тексты и контексты», Сесиль Алдью подробно останавливается на лингвистическом анализе публичных высказываний президента Франции Франсуа Олланда, которого она представляет в сопоставлении с речевой характеристикой его предшественника — Николя Саркози. В этой связи следует отметить, что личность Николя Саркози постоянно привлекала к себе внимание в России, о чем свидетельствует его книга, изданная на русском языке в 2009 г., в которой он обобщает опыт своей работы на посту министра финансов и министра внутренних дел и формулирует новые задачи на посту президента Франции [2]. В своей попытке создать лингвополитические портреты Франсуа Олланда и Николя Саркози Сесиль Алдью прежде всего указывает на статистическое неравновесие в употреблении местоимений «je» («я») и «nous» («мы»), наблюдаемое в политических речах двух президентов. Оказывается, что Ф. Олланд в период своего президентства проявил большую скромность в употреблении личного местоимения «je» («я»), нежели Николя Саркози в свое время (сравните: 7,47 и 11,21 %) [3, с. 69]. Это свидетельствует о том, что Франсуа Олланд предпочитал говорить скорее от имени политического коллектива, который он представлял как президент, в то время как Николя Саркози постоянно подчеркивал собственную инициативу в государственных делах, что послужило основанием для присвоения ему прозвища «Monsieur “moi je”» («Господин “Я”»). Так, в 2007 г., когда Николя Саркози был президентом Франции, он использовал в своих выступлениях личное местоимение «je» примерно после каждого 35-го слова [3, с. 61]. Что касается использования местоимения «nous» («мы»), то здесь выявляется следующая тенденция: Франсуа Олланд — 11,50 %, Николя Саркози — 8,50 %) [3, с. 69].

Другая грамматическая особенность политического дискурса Франсуа Олланда состоит в использовании неопределенно-личных оборотов речи в пассивной форме, например: «Il a été décidé... de supprimer sur trois ans cet impôt, pour que les entreprises justement puissent avoir des moyens supplémentaires pour investir» [3, с. 60]. («Было решено... отменить на три года этот налог для того, чтобы предприятия смогли действительно получить дополнительные средства для инвестирования»¹).

Эта грамматическая особенность явно умаляет, по мнению Сесиль Алдьюи, роль личного участия президента Франсуа Олланда в осуществляемых им реформах, сводит его к позиции свидетельствующего докладчика, а не активно действующего лица, автора происходящих изменений [3, с. 61]. Значительно подрывает имидж президента Франсуа Олланда частое использование им глагольных форм в наклонении Subjonctif («субжонктив»): в данном случае чаще всего имеются в виду личные формы модального глагола *pouvoir* («мочь», «иметь возможность»), а также оборот «*je fais en sorte que...*» («я поступаю таким образом, чтобы...»). Эти грамматические особенности относят предполагаемые действия к гипотетическому будущему и вызывают чувство неуверенности в том, что они будут действительно осуществлены, что явно свидетельствует не в пользу президента.

Вторая часть книги «Слова кандидатов» является центральной: в ней содержится лингвистический анализ высказываний известных политических деятелей Франции. Среди них: Марин Ле Пен, глава Национального фронта, Франсуа Фийон, лидер республиканцев, Жан-Люк Меланшон, кандидат от партии «Непокоренная Франция». Значительное место в рецензируемой книге уделяется лингвистическому анализу политического дискурса лидера Национального фронта Франции Марин Ле Пен, которая в период избирательной кампании активно выступала на митингах, собраниях, а также участвовала в различных передачах на радио и телевидении. В данном случае Сесиль Алдьюи особое внимание уделяет тому, как Марин Ле Пен обращается к своим избирателям. Так, вместо прежнего обращения «*frontistes*» («фронтисты») в ее речах появляется новое слово — «*patriotes*» («патриоты»), которое не только соотносится с постоянными активистами Национального фронта, но и охватывает всех тех, кто только начинает проявлять симпатию к этому политическому движению. Введение в политический дискурс Марин Ле Пен слова «*patriots*» («патриоты») представляет собой тонкий психологический механизм. Далее отмечается навязчивое употребление в политическом дискурсе Марин Ле Пен нового словосочетания «*priorité nationale*» («национальный приоритет») вместо прежнего — «*préférence nationale*» («национальная преференция»). По мнению Сесиль Алдьюи, такого рода субституция внушает избирателям идею о появлении на политической сцене лидера нового типа, который обладает особой харизмой вести народ за собой. В рассматриваемом случае это она, Марин Ле Пен, лидер Национального фронта.

¹ Здесь и далее перевод наш. — Ю. Г.

Во всем остальном политический лексикон лидера Национального фронта, по мнению Сесиль Алдюи, остается без особых изменений. По-прежнему на первом месте находится политический термин «immigration» («иммиграция»), в то время как другие кандидаты в президенты основной акцент делают на проблемах политики, экономики, избирательной системы. Однако в политическом дискурсе Марин Ле Пен появился все же новый, феминистский лейтмотив: Марин Ле Пен начинает выступать как защитница прав женщины. Но в этом случае круг ее полномочий довольно узок и сводится только к выполнению антииммиграционной программы и борьбе с исламом. В конечном итоге Сесиль Алдюи приходит к выводу о том, что в избирательной программе Национального фронта 2017 г. мало что изменилось по сравнению с программой, которую выдвинул в свое время ее отец.

Второй герой книги Сесиль Алдюи — Франсуа Фийон, который накопил значительный политический опыт в должности премьер-министра правительства Франции. На этом основании республиканцы выдвинули его кандидатом в президенты Французской Республики. Он уверенно стартовал и лидировал даже в гонке на пост главы государства, пока не случилось непоправимое — скандал вокруг имени его жены Пенелопы, вызванный ее фиктивным трудоустройством в качестве помощника депутата Национального собрания. Этот скандал, получивший во французской прессе броское название «Penelopagate» («Пенелопагейт»), фактически подорвал его лидерскую позицию и не позволил ему выйти во второй тур избирательной кампании [1, с. 97–102]. Однако этот факт в биографии Франсуа Фийона Сесиль Алдюи не рассматривает, поскольку ее книга вышла значительно раньше печального финала кандидата в президенты. В поле ее лингвистического анализа попадают другие факты политической деятельности Франсуа Фийона до января 2017 г., которые позволяют создать его многоликий лингвополитический портрет. В начале своей избирательной кампании Франсуа Фийон предстает в облике одинокого паломника «с посохом странника» в руке, который тщетно «бороздит Францию» и попусту произносит свои проповеди [3, с. 55]. Однако в ноябре 2016 г. происходит резкий перелом в его кампании: Франсуа Фийон побеждает в праймериз. В прессе возникает величественная фигура христианина, смело шагающего по воде, образ пророка в пустыне (*prophète dans le désert*), который готов пожертвовать собой ради возрождения (*renaissance*), и чуть ли не искупления (*redemption*), Франции! [3, с. 56].

Особым орнаментом лингвополитического портрета Франсуа Фийона являются его прозвища, которые Сесиль Алдюи упоминает в своей книге со ссылкой на статью Ванессы Шнайдер [8]. Приведем пример: «Le candidat “humble”, taciturne, besogneux, surnommé “Mr. Nobody” ou “Droopy” par les média, fait une ascension fulgurante dans les dernières semaines du primaire pour finalement l’emporter avec 66,5 % des voix au second tour, le 27 novembre 2016» [3, с. 55]. («Этот “скромный”, молчаливый, готовый на любую работу кандидат, получивший в СМИ прозвища “Господин Никто”, или “Друпи”, в последние недели

праймериз резко вырвался вперед и одержал победу, получив 66,5 % голосов во втором туре, 27 ноября 2016 г.»)

Прозвище «Mr. Nobody» («Господин Никто») возникло, очевидно, под влиянием популярного во Франции американского фильма с тем же названием. Сюжет фильма развивается вокруг главного героя — Немо Никто, судьба которого представляет собой множество жизней, параллельных настоящей жизни. При этом в каждой из них возникают вопросы, на которые нет ответов. Прозвище «Mr. Nobody» намекает на сложную траекторию политической деятельности Франсуа Фийона, финал которой сегодня известен: Франсуа Фийон не прошел во второй тур президентских выборов.

Другое прозвище «Droору» («Друпи»), что в переводе с английского обозначает кого-то, «упавшего духом», возникло, очевидно, в связи с выходом на экраны нового американского мультфильма с тем же названием. Главный персонаж мультфильма по имени Droору — крохотный бассет-хаунд, который в любой ситуации остается невозмутимым. Он неспешно двигается, но быстрее всех появляется в любом необходимом месте. Как много общего здесь с маневрами политика Франсуа Фийона. Несмотря на козни своих противников, он постепенно двигался к своей возможной победе. Все чаще в его речах звучали религиозные мотивы: он не уставал повторять слова «убеждение» («conviction») и «вера» («foi»). Он был одержим своей верой во Францию («foi en France»), верой в прогресс («foi dans le progrès»), в человека («foi dans l'homme»), в преимущества своей страны («foi dans les atouts de leur pays»). Непокоримой была его вера в свободу и толерантность («foi inébranlable dans la liberté, la tolérance»). Религиозный вокабуляр буквально пронизывает насквозь политический дискурс Франсуа Фийона в отличие от других кандидатов в президенты, которые предпочитают иные лексически выраженные лейтмотивы, как смело утверждает в своей книге Сесиль Алдюи [3, с. 57].

Вызывает большой интерес лингвополитический портрет Жан-Люка Меланшона, лидера партии «Непокоренная Франция» («La France insoumise»). Его специфический вокабуляр, по мнению Сесиль Алдюи, значительно содействует созданию образа революционного предводителя с душой романтика, который свято верит в справедливость своего дела, преданно служит ему вплоть до самопожертвования [3, с. 67]. В отличие от других претендентов на пост президента Жан-Люк Меланшон меньше всего использует личное местоимение «je» («я»): примерно 6,75 % [3, с. 69]. Его вокабуляр включает в себя лексику, которая отражает потенциал демократического законодательства («souveraineté», «institution»), условия жизни и выживания политического корпуса («nation», «peuple») [3, с. 360–361]. В списке его наиболее частотных слов присутствуют такие имена существительные как: «France» («Франция»), «Europe» («Европа»), «gouvernement» («правительство»), «peuple» («народ»), «Etat» («Государство»), «travail» («работа»), «pouvoir» («власть»), «président» («президент»), «histoire» («история»), «action» («действие»),

«Parlement» («Парламент») [3, с. 371]. Позднее, в апреле 2017 г., Сесиль Алдюи пополнит этот список, добавив такие ключевые политические термины, как «République» («Республика»), «Constitution» («Конституция»), «liberté» («свобода»), «démocratie» («демократия»), «la nouvelle révolution» («новая революция») [4, с. 43].

Третья часть рецензируемой книги называется «Картография политических расхождений». Сесиль Алдюи с особым вниманием подходит к толкованию нового политического термина «триангуляция» («triangulation»). Этот термин применяется в избирательной кампании в случае противостояния двух противоположных блоков, таких как левые, с одной стороны, и правые, с другой стороны, когда естественно возникает третий блок. Эта третья политическая сила вбирает в себя все полезное и притягательное для избирателей, что было в арсенале двух противоположных блоков. Такой путь избрал в свое время Николя Саркози и в конечном результате пришел к победе [3, с. 303–304].

Сесиль Алдюи проводит тщательный лингвистический анализ семантики ключевых политических терминов, составляющих платформу отдельных партий Франции, а также некоторых государственных деятелей. Результаты этого анализа наглядно представлены в многочисленных таблицах, иллюстрирующих содержание третьей, заключительной части ее книги. Ключевые политические термины распределяются по семантическим полям, которые отображают основные расхождения между политическими силами по таким аспектам, как внешняя и внутренняя политика государства, экономика, социальная жизнь, культура. В связи с этим подробно рассматривается семантика таких политических терминов, как: «ethnocentrisme» («этнотризм»), «immigration» («иммиграция»), «libéralisme culturel» («культурный либерализм»), «conservatisme sociétal» («общественный консерватизм») и «mondialisation» («глобализация»).

Сесиль Алдюи пытается найти ответы на вопросы: кто такие «евроскептики» и чем они отличаются от «европеистов»? Наконец, она также пытается раскрыть сущность популизма и выявляет не менее 50 его особенностей, рассматривая политические программы Марин Ле Пен (un populisme nationaliste et ethnicisant — националистический и этнический популизм), Николя Саркози (un populisme opportuniste et identitaire — оппортунистический и самобытный популизм) и Ж.-Л. Меланшона (un populisme révolutionnaire — революционный популизм).

В целом поражает масштабность лингвистического исследования, предпринятого Сесиль Алдюи. Кажется, нет ни одного политического блока или партии, которая бы ускользнула от ее пронизательного и глубокого анализа. Ей удалось создать целую галерею лингвополитических портретов деятелей Франции, среди которых лидеры политических партий, бывшие президенты и кандидаты в президенты на выборах 2017 г. И все же остается одна загадка: почему Эммануэль Макрон, будущий президент Франции, оказался в стороне от этого глубокого и объективного анализа?

В поисках ответа на этот вопрос нельзя не удержаться от критических замечаний в адрес автора рецензируемой книги. Прежде всего необходимо отметить, что Сесиль Алдюи обращается к характеристике личности кандидата в президенты Эммануэля Макрона в последнюю очередь в заключительной части своей книги. Этот пассаж представляет собой небольшой набросок, эскиз, возможно, будущего лингвополитического портрета Эммануэля Макрона. Его краткая характеристика едва занимает две страницы, хотя первое упоминание о возглавляемом им новом политическом движении относится, как пишет сама Сесиль Алдюи, к 6 апреля 2016 г. [3, с. 307–308]. С самого начала своей избирательной кампании Эммануэль Макрон показал себя в качестве лидера, готового ломать сложившиеся политические устои. Он создал новую партию, которая отмежевалась от левых и правых и как некая третья сила двинулась резко вперед, чтобы одержать триумфальную победу. Кроме того, личность Эммануэля Макрона привлекла к себе внимание не только французской, но и мировой общественности еще задолго до того момента, когда он выдвинул свою кандидатуру на пост президента. В частности, Макрон заметно проявил себя первоначально в качестве инвестиционного банкира, а затем в период пребывания на посту министра экономики. В результате этой работы он получил прозвище «финансовый Моцарт» (le «Mozart de l'économie»), которое быстро подхватила французская пресса [7, с. 27–35]. Несомненно, заслуживают особого внимания и глубокого лингвистического анализа многочисленные речи и публичные высказывания Э. Макрона в различные периоды его политической деятельности, которые содержат значительный лингвостилистический потенциал. Нам остается только выразить надежду, что эта задача будет в полной мере решена в следующей книге Сесиль Алдюи.

Итак, критический анализ содержания книги Сесиль Алдюи «Ce qu'ils disent vraiment. Les politiques pris au mots» позволяет сделать вывод об эффективности применения современных средств автоматизации в лингвистических исследованиях — компьютерных программ обработки текстов, а также количественных методов в целях составления частотных словариков. Эти методы в совокупности дают актуальную характеристику французского политического дискурса, выявляют новые тенденции формирования политического вокабуляра государственных деятелей и партийных лидеров. В результате использования комплекса компьютерных программ, таких как *ad hoc*, *Hyperbase* и *Voyant-tools*, был проведен отбор и статистический подсчет наиболее частотных политических терминов, выявлены лексические и грамматические особенности дистрибуции словоформ, определены условия формирования неологизмов. Анализ результатов исследования Сесиль Алдюи показал, что некоторые широко известные слова в политическом дискурсе отдельных лидеров приобретают новые коннотации, которые порождаются некоторой новой политической доктриной. Исследование лексических новообразований позволяет установить закономерности развития естественного языка, выявить лингвосемантические и стилистические особенности политического дискурса,

определить действительную функциональную роль политического языка в социально-политической жизни общества.

Нет никакого сомнения в том, что рецензируемая книга Сесиль Алдюи будет полезна лингвистам, политологам и всем тем, кто занимается исследованием политического дискурса, кто пытается вскрыть лингвистические механизмы влияния на общественно-политическую жизнь через средства массовой информации.

Ю.И. Горбунов

Библиографический список

Литература

1. Горбунов Ю.И. Неологизмы в языке современной французской прессы // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2017. № 2 (40). С. 97–102.
2. Саркози Н. Мое мнение. Франция, Европа и мир в XXI веке. СПб.: Александрия – Симпозиум, 2009. 304 с.
3. Alduy C. Ce qu'ils disent vraiment. Les politiques pris aux mots. Paris: Editions du Seuil, 2017. 393 p.
4. Alduy C. Les mots sont leurs armes // L'Obs. № 2737 du 20 au 26 avril 2017. P. 42–45.
5. Alduy C., Wahnich S. Marine Le Pen prise aux mots. Décriptage du nouveau discours frontiste. Paris: Editions du Seuil, 2015. 311 p.
6. Guichou M. Une simple réécriture du discours de son père // L'Obs. № 2726 du 2 au 8 février 2017. P. 28–29.
7. Raffy S. La prise de l'Elysée // L'OBS. № 2740 du 11 au 17 mai 2017. P. 31–38.
8. Schneider V. La revanche de Mister Nobody // Le Monde. 21.11.2016.

References

Literatura

1. Gorbunov Yu.I. Neologizmy` v yazy`ke sovremennoj franczuzskoj pressy` // Vektor nauki Tol`yattinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2017. № 2 (40). S. 97–102.
2. Sarkozy N. Moe mnenie. Franciya, Evropa i mir v XXI veke. SPb.: Aleksandriya – Simpozium, 2009. 304 s.
3. Alduy C. Ce qu'ils disent vraiment. Les politiques pris aux mots. Paris: Editions du Seuil, 2017. 393 p.
4. Alduy C. Les mots sont leurs armes // L'Obs. № 2737 du 20 au 26 avril 2017. P. 42–45.
5. Alduy C., Wahnich S. Marine Le Pen prise aux mots. Décriptage du nouveau discours frontiste. Paris: Editions du Seuil, 2015. 311 p.
6. Guichou M. Une simple réécriture du discours de son père // L'Obs. № 2726 du 2 au 8 février 2017. P. 28–29.
7. Raffy S. La prise de l'Elysée // L'OBS. № 2740 du 11 au 17 mai 2017. P. 31–38.
8. Schneider V. La revanche de Mister Nobody // Le Monde. 21.11.2016.